

Андрей Лазарь, Сергей Носов

КНИГА НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ "ВЫБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ"
И КЕ ОЦЕНКА АПОЛЛОНОМ ГРИГОРЬЕВЫМ.

В декабре 1919 г., в заключение своей небольшой статьи "О списке русских авторов", Александр Блок писал: "надо переоценить многое, прежде всего — «Переписку с друзьями Гоголя», вырвав из нее временное и свято сохранив вечное; надо выбрать до гениальной мощью и острой мыслью из той бесформенной словесной каши, в которой захлебывался пыльный и зарпортованный Григорьев, благодаря чему все семь пядей, которые были в его лбу, заслонились одной пядью более тапталливого, но бесконечно менее глубокого и образованного, чем он, Белинского"¹. Полтора года раньше Блок требовал издать письма Григорьева Гоголю по поводу "Выбранных мест из переписки с друзьями" и призывал: "Откройте Гоголя, нового Гоголя, не урезанного Белинским, прочтите его книгу без «западнических» мор, и вы многое поймете по-новому. Откройте, наконец, вместе с Гоголем его благоговейного истолкователя Аполлона Григорьева, и убедитесь наконец, что пора перестать прозевывать совершенно своеобразный, открывающий новые дали русский строй души. Он спутан и темен иногда; но за этой тьмой и путаницей, если удосужитесь в них взглянуться, вам откроются новые способы смотреть на человеческую жизнь"².

На рубеже 1850-х гг. XIX в. мыслящее русское общество, находясь в тяжелейших условиях николаевского гнета в состоянии политически задавленном и разобщенном, тем не менее интеллектуально переходило знаменательный "Рубикон" — от художественной и философской подражательности к вполне самостоятельной литературе и общественной мысли. Это далеко не обязательно вело к явлениям

¹ А. Б л о к, Собрание сочинений, т. 6, Москва-Ленинград 1962, с. 139-140.

² Там же, с. 28.

в социально-политическом смысле прогрессивным. Наоборот, национальная литература (Федор Достоевский, Лев Толстой) и национальная философия (Алексей Хомяков, Николай Страхов) могли выступать, и чисто выступали, о консервативных идеях и программах. Но в одном этим явлениям нельзя отказать — в оригинальности, в национальной самобытности. И с этой точки зрения они представляют значительный историко-культурный интерес.

Бесспорно, во главе национальной художественной школы в России стоял Гоголь, также бесспорно, что русскую религиозно-националистическую мысль в ее оригинальном и новом выражении олицетворяла собой книга Гоголя "Выбранные места из переписки с друзьями". Эта книга не несла с собой интеллектуальный "свет" — политически и религиозно она воскрешала тьму допетровской старины, но в освещении новом, для XIX ст. необычном. В целом в истории русской литературы ее появление в печати — лишь эпизод, но эпизод принципиально значимый. Также весьма нестандартна для русской критики и русской мысли той поры реакция на эту противоречивую книгу Гоголя известного русского критика, Григорьева, стоящего, наряду с Достоевским, у истоков "почвеннической" идеологии в России.

Этот, с нашей точки зрения, интереснейший эпизод в истории русской национальной литературы и мысли — появление книги Гоголя и критического отзыва на нее Григорьева, а также завладевшая в результате переписки между Григорьевым и Гоголем, являются предметом данной статьи.

В известном, носящем исповедальный характер, письме по поводу "Мертвых душ" Гоголь с нескрываемой болью, как будто уверяя больше всех себя самого, писал: "Не думай, однако же, после этой исповеди, чтобы я сам был такой же урод, каковы мои герои. Нет, я не похож на них. Я люблю добро, я ищу его и сгораю им; но я не люблю моих мерзостей и не держу их дуку, как мои герои; я не люблю тех низостей моих, которые отдаляют меня от добра"³. Как бы отвечая на эти слова, Григорьев утверждал: "Художество требует от человека всей его личности, без оглядок, без задних мыслей"⁴. Действи-

³ Н. В. Г о г о л ь, Иллюстрированное издание сочинений, т.4, С. — Петербург 1902, с. 83.

⁴ А. Г р и г о р ь е в, Собрание сочинений, вып. 9, Москва 1916, с. 43.

только, изображение порока требует "вживания" в этот порок, и художественное изображение зла возможно только "изнутри", творчество и добродетель в определенном смысле несовместимы. Именно этот замкнутый круг "роковых" проблем творчества терзал Гоголя и как писателя, и как человека и привел в конце концов к трагической развязке его жизни. И именно Григорьев, близкий Гоголю в самой напряженности, подчас болезненной лихорадочности идейных исканий, сумел почувствовать внутреннюю закономерность развития гоголевского мировосприятия, уловить сам "пульс" мысли и переживаний писателя. На это указывал уже Блок. "В Переписке - писал он - две неравных части: одна - малая, мизерная: самодержавие, болезнь; другая - громадная: правда, человек, восторг, Россия. Белинский заметил только болезнь; Белинского удерживали и ему поверили все. Но среди этих всех не было одного: молодой Аполлон Григорьев сразу понял, какие страшные духовные интересы составляют содержание этой книги"⁵.

Гоголя, несмотря на все горячие споры вокруг его творчества при жизни писателя, нельзя отнести к тем художникам, у которых (как это случилось, например, с Достоевским) находилось не слишком много сочувствующих и понимающих "комментаторов" на поприще современной им литературной критики, тех кто был способен по достоинству оценить историческое значение его произведений. Замечательно ярко определил объективную социальную значимость произведений Гоголя Виссарион Белинский; этические и лирические черты его творчества, как противопоставленные сатире и гротеску, справедливо оттенял Константин Аксаков. Однако, только Григорьев постарался ответить на вопрос, что же хотел выразить в своих творениях сам Гоголь, к чему он отремился и чего искал. В григорьевскую концепцию творчества Гоголя этот субъективно-личностный элемент вошел неотъемлемой и едва ли не важнейшей частью. И в то время как Белинский и даже "московские друзья" Гоголя славянофильской ориентации (Сергей и Константин Аксаковы, Степан Шевырев, Михаил Погодин) в целом проводили водораздел между художественными произведениями Гоголя и его взглядами как мыслителя

⁵ Б л о к, Собрание сочинений..., с. 27; см. также: А. Л а з а р і, A. Błok o A. Grigorjewie (zarzys problemu), "Zeszyty Naukowe UŁ" 1977, S. I, z.16, с. 47-51.

и публициста⁶, Григорьев попытался устоявить и объяснить взаимосвязь между идейными и чисто художественными устремлениями писателя, причем, поклоняясь Гоголю, ценил первые не менее вторых.

Эта особенность, можно сказать, идеологичность григорьевского понимания и оценки творчества Гоголя до сих пор в литературе была замечена лишь Блоком. Почему же именно Григорьев столь тесно связал творчество Гоголя с его личностью? Вспомним, как определял взаимоотношение личности художника и его творчества Белинский. "Когда поэт творит, то хочет выразить, в поэтическом символе, какую-нибудь идею, следовательно, имеет цель и действует с сознанием", — писал критик в статье "О русской повести и повестях Гоголя" (1835), подчеркивая, однако: "Но ни выбор идеи, ни ее развитие не зависит от его воли, управляемой умом, следовательно, его действие бесцельно и бессознательно". Окончательный же вывод Белинского звучал еще более определенно: "творчество свободно и независимо от лица творца, которое здесь является столько же страдательным, сколько и действующим"⁷. Естественно, что при таком подходе к оценке художественного творчества вообще собственные убеждения и устремления Гоголя, не всегда гармонизировавшие с объективным смыслом его произведений, так сказать, лишались права слова при их создании. Показательно и то, что для иллюстрации своих выводов Белинский прямо ссылался на творчество Гоголя, утверждая: "Очень нетрудно ко всему этому приложить сочинения г. Гоголя, как факты к теории"⁸.

Иначе оценивал природу художественного творчества Григорьев. Так, в одном из своих важнейших литературно-критических произведений — статье "Русская изящная литература в 1852 году" — Гри-

⁶ В этом отношении очень показательен отзыв Степана Шевырева на появление в печати "Мертвых душ", в котором предпринята достаточно интересная сама по себе попытка дать общую характеристику Гоголя-писателя. "Как будто два существа виднеются нам из его романа", — писал Шевырев, утверждая, что в Мертвых душах явно различаются и даже сталкиваются Гоголь-художник и Гоголь-человек, первому из них принадлежит смех, второму — грусть. "Таким образом, в Гоголе видим мы существо двойное или раздвоенное. Поэзия его не цельная, не единичная, а двойная, распавшаяся", — заключил критик. ("Москвитянин" 1842, № 8, с. 348).

⁷ В. Г. Б е л и н с к и й, Полное собрание сочинений, т. 1, Москва 1953, с. 288.

⁸ Там же.

Григорьев писал: "Тот только истинный художник в наше время, кто, установивши возможное равновесие идеала и действительности в душе, относится к действительности во имя вечных и разумных требований идеала, ищет комическим путем разрешения благородных, возвышенных задач — хотя, с другой стороны, вглядывается пристально в действительность"⁹. В такой оценке явное предпочтение отдается сознательному творчеству, творчеству во имя осознанного идеала. "Без мирозерцания, прочного, совершенно сложившегося [...] не бывало и не будет истинных художников", — утверждает Григорьев несколько далее, как бы подводя итог своим размышлениям о сущности творческого процесса¹⁰. Сама динамика мысли, равно как и все литературно-критическое кредо Григорьева подводили его к сочувственному восприятию идейных исканий Гоголя.

Восторженное, страстное поклонение Григорьева Гоголю достигает апогея на рубеже 50-х годов. Одно из своих писем Гоголю 1848 г. он оканчивает, например, типическими для своего отношения к писателю патетическими словами: "Не забудьте, великий художник, что я только ваш ученик и ревностный поклонник"¹¹. Вместе с тем Григорьев был и ярким литературным критиком, по-своему, весьма оригинально и подчас необычайно метко определявшим целый ряд отрицательных черт таланта Гоголя и его произведений: соединение трагического с комическим, фантастики с реальным, горькой сатиры с романтической мечтательностью. И эти характеристики Григорьева, по существу, до сих пор не прокомментированы, не оценены в литературе.

Как человек романтических и во многом стихийных идейных стремлений, склонный к отчаянию и безудержный в своих увлечениях, Григорьев стремился найти в искусстве то непреходящее, вечное, что могло бы служить "якорем" и идеалом в жизненном водовороте. Впрочем, в литературе он не любил простых, однозначных решений. Можно сказать, что стремление к постижению идеала и идеального на базе "низкой" действительности составило основы проблематики всей его литературно-критической деятельности. И здесь глубокая духов-

⁹ А. Григорьев, Литературная критика, Москва 1967, с. 56.

¹⁰ Там же, с. 60.

¹¹ А. Григорьев, Материалы для биографии, Петроград 1917, с. 119.

мощь Гоголя, умевшего извлекать лиризм из пошлости, скорбь из смеха, веру из моря ничтожной будничности, казалась критикой понестие откровением, постижением "самой сути" человека и мира. "Никто, наконец, так не полон сознания о прекрасном физически и нравственно человеке как этот писатель, призванный очертить пошлость пошлого человека, — и по тому самому ни один писатель не обдает души вашей такой тяжелой грустью, как Гоголь, когда он, как беспощадный анатом, по частям разбирает человека", — писал Григорьев в статье "Русская литература в 1851 году", страстно доказывая, что "пафос Гоголя — не квеналовский пафос, не пафос отчаяния, производимого противоречиями действительности [...] Везде у Гоголя выручает юмор, и этот юмор полон любви к жизни и стремления к идеалу"¹². Григорьев не мог, однако, не признать некоторой болезненности в гиперболах и фантастике Гоголя, горечи и боли в его смехе. "Эта натура в высшей степени остратная, на которую все противоречия идеалу действуют болезненно, — заключая Григорьев свои мысли о сущности гоголевского творчества"¹³.

Григорьев стремился видеть в произведениях Гоголя "не просто действительность", а действительность, "прошедшую через горнило сознания". "И в этом свойстве один только Шекспир однороден с Гоголем, — заявлял Григорьев, утверждая, что "в этом смысле Шекспир столько же мало натурален, как Гоголь"¹⁴.

Для Григорьева Гоголь всегда оставался, прежде всего, остратным искателем идеала, жизненной веры, а не основателем "натуральной школы", которую Григорьев воспринимал в критическом свете, видя в ней "смесь грязи с сентиментальностью, идеализма самого реблического с намеренным углублением в анализ самых ничтожных и бессмысленных подробностей повседневной действительности, напряжения о бессильем"¹⁵. Не менее остратный и бескомпромиссный в идейных исканиях, Григорьев ощущал даже в судьбе Гоголя что-то близкое и общее своим отчаянным метаниям в мысли и жизни. Как-то стихийно, бурно и почти безотчетно увлекся молодой Григорьев и "Выбранными местами из переписки с друзьями" (в год появления книги критику

¹² Григорьев, Собрание сочинений..., с. 18-19.

¹³ Там же, с. 20.

¹⁴ Григорьев, Литературная критика..., с. 45-46.

¹⁵ Там же, с. 53.

было 25 лет), о существовании многих положений которой он, как человек настроенный тогда весьма оппозиционно (незадолго до появления "Переписки" Григорьев сближается с петрашевцами), определенно не мог согласиться. Книга Гоголя привлекала Григорьева, как это ни парадоксально, именно своей странностью необычностью, каким-то страстным, вырывающимся из глубины души, хотя и неосознанным, нравственным бунтом — тем, что не признавала ни норм светских приличий, ни рамок "позволенного смыва" в своих откровениях, поучениях, скорби. Она возбуждала бурю чувств в молодом искателе идеала, разочарованном в то время в своем очередном горячем увлечении — фурьеризме, и не удовлетворенном ни западничеством, ни "ортодоксальным" славянофильством. И, если Белинский в своем знаменитом письме Гоголю вынес суровый приговор писателю с позиций своего уже достаточно сформировавшегося, политически заостренного мировоззрения, центром которого можно назвать стремление к социально объективированному с позиций "общественной пользы" взгляду на мир, общество, человека, то Григорьев пытался понять книгу Гоголя как бы изнутри, с позиций чисто психологических, духовных, доверяя одной лишь "нравственной правде" гоголевских исканий.

Григорьев публикует в 1847 г. в "Московском городском листке" обширную статью "Гоголь и его последняя книга"¹⁶ и вскоре направляет писателю три сумбурных, но глубоко искренних и чрезвычайно интересных письма. Для понимания всего колоссального влияния Гоголя на Григорьева, равно как и природы, истоков этого влияния эта статья и письма очень важны.

Своей статьей Григорьев доказал предельную независимость собственного мировоззрения. Ведь принимаясь защищать Гоголя, выступил он против всех тогдашних литературных авторитетов. "Крепко запало мне в душу — писал Григорьев Михаилу Погодину — слово Гоголя: «о словом надобно обходиться честно»; книга его осветила для меня всю бездну, в которой я стоял, — бездну паткого безверия, самодовольных теорий, разврата, лжи и недобросовестности; поворно стало мне звание офиста, стыдно взглянуть на все свое прошедшее"¹⁷. Защищая Гоголя, Григорьев борется за право личности на собствен-

¹⁶ "Московский городской листок" 1847, № 56, 62-64.

¹⁷ Григорьев, Материалы для..., с. 106.

ное мировоззрение, независимое от потребностей общественных и политических группировок. Одновременно признает он, что книга Гоголя "есть болезненный момент в его духовном развитии, и самую эту болезненность должны мы принять точкою исхода для суда над самой книгой". Эта болезненность, по мнению Григорьева, "не есть чисто личная, гоголевская, — она обща всем силам эпохи более или менее". Русская интеллигенция в своих поисках идеала пришла к полному отрицанию существующей действительности, болезнью века стали гордость и отрицание, "одна чистая злоба воцарилась вместо ума", и поэтому всякие попытки найти положительный идеал тоже болезненны. Книга Гоголя является для Григорьева именно такой попыткой найти положительный идеал, а моментом предвещающим ее являются лирические отступления в "Мертвых душах". Следовательно, Гоголь не изменил своему мировоззрению. Разница между последним и предыдущими произведениями писателя заключается только в форме. Суть его творчества — поиски идеала — звучит во всем его литературном наследстве¹⁸.

К проблематике, затронутой в статье, Григорьев вернулся в конце 1848 г. в своих письмах Гоголю. Отличающиеся своей искренностью и буквально благоговейным отношением к писателю, письма Григорьева носят во многом исповедальный характер¹⁹. Он сразу открывает перед Гоголем свою душу, находившуюся тогда в состоянии смуты и напряженных нравственных исканий. "Тяжело расставаться с тем, за что мы все, чада волнующего века, держимся, как за доску спасения, с этими хотя и призрачными, но тем не менее блестящими опорами. Вы, вероятно, и сами знаете, как это тяжело; но я думаю, что тот, кто был скептиком серьезно, не для виду только, не остановится ни перед какой бездною", — писал Григорьев в первом письме датированном "после 14 октября 1848 года", утверждал: "сомневаться, так сомневаться уже во всем, даже в самом сомнении; от этого-то, мне кажется, в скептицизме лежит зачаток веры; ибо, для того, чтобы усомниться в самом себе, надобно поверить во что-нибудь выше себя". Эти заключения и одновременно признания, которыми

¹⁸ А. Григорьев, Сочинения, т. 1. Критика, Villanova University Press, 1970, с. 10-15.

¹⁹ См.: С. Н. Носов, Письма А. Григорьева как источник по истории славянофильства, "Вспомогательные исторические дисциплины" 1981, т. 12, с. 110-139.

некая отказать в определенной психологической правде, Григорьев завершает интересной смылкой на взгляды Герцена. "Остроумный, хотя и поверхностный, Искандер, - пишет он, - сравнивает где-то последний, безвозвратный шаг мышления с последним, отчаянным шагом игрока, который самого себя ставит на карту. Пожалуй это так; да только шаг, считаемый И-ром за последний, далеко не последний. Современное мышление не само себя, но только свое прошедшее приносит в жертву; иначе оно было бы христианским мышлением..." Далее Григорьев признается: "не скрою от вас и того, что несмотря на все негодование, навешенное на меня слухами о вашей книге, меня лично неотразимо влекло к ней именно то, что она почти всех привела в ярость, всех - даже людей согласных, по-видимому, с вами в основах мышления". "Истина всегда гонима и всегда на стороне гонимого", - заявляет, подводя итоги своим рассуждениям и равнодушным переживаниям, Григорьев²⁰.

Заметим, что восприятие "Выбранных мест из переписки с друзьями" Гоголя как книги "протеста" - взгляд психологически не беспочвенный, но фактически не отраженный ни в дореволюционной, ни в советской литературе о Гоголе. Проповедь смирения, отказа от социальных преобразований, политического консерватизма - именно в такой тональности всегда писали об этом необычайном произведении. И только Григорьев заговорил иначе, с иным пафосом, пафосом бунта против светской пошлости, неподчинения трафаретным нормам морали и, может быть, поэтому сам Гоголь отозвался о рецензии Григорьева, казалось бы столь положительной, необычно прохладно. Так, Гоголь писал Шевыреву 25 мая 1847 г.: "Статья Григорьева, довольно молодая, говорит больше в пользу критики, чем моей книги. Он без сомнения, юноша очень благородной души и прекрасных стремлений"²¹.

Однако, несколько произвольно толкуя идеи Гоголя, Григорьев тем не менее подпал под их влияние, оказался как бы зачарованным самой тональностью гоголевской проповеди. Во втором письме Гоголю от 17 ноября 1848 г. он писал: "Для одних, как для Булг[арина] и прочих, литература дойная корова или развратный дом; для других мечтательное самообольщение или умственная охота. С одной

²⁰ Григорьев, Материалы для..., с. 112.

²¹ Н. Гоголь, Сочинения и письма, т. 6. С. - Петербург 1857, с. 401.

сторону утрачена вера в поэта, как в пророка, как в провозвестника правды; с другой стороны принято, что если и является пророк, то он непременно должен явиться со словами ненависти и вражды"²².

Время, когда были отправлены письма Григорьева Гоголю, было для писателя нравственно тяжелым — разочарование в себе, душевное смятение, приоткрытые отчаяния. Григорьев же был тогда еще очень молод, и неудивительно, что между оумбурным, метавинным, порой неумеренно экспрессивным молодым критиком и маститым писателем переписки не завязалось. В 1852 г., когда появилась вторая из программных критических статей Григорьева — статья "Русская литература в 1852 году" Гоголя уже не было в живых. Казалось бы, есть все основания полагать, что тема "Гоголь и Аполлон Григорьев" в конечном счете сводится к теме "Аполлон Григорьев о Гоголе", хотя бы просто потому, что Гоголь о Григорьеве не писал, за исключением нескольких строк в письмах, фактически ничего. Однако, мирозерцания Григорьева и Гоголя именно взаимодействовали.

Конечно, свободолюбивый, не желавший идти на компромиссы, не способный ухититься на какой бы то ни было "казенной" должности Григорьев не мог принять такие, например, благонамеренные напутствия, которые в обилии раздавал Гоголь своим знакомым и читателям: "На корабле своей должности, службы должен теперь всяк из нас выноситься из омута, глядя на Коридика Небесного. Кто даже и не в службе, тот должен теперь вступить на службу и ухватиться за свою должность, как утопающий хватается за доску, без чего не спастись никому"²³. Но самоуглубленность, психологизм Гоголя, неприятие им насилия, как средства преобразования общества, сам проповеднический характер деятельности писателя с исключительной силой завладели воображением критика. И, когда он вместе с Достоевским стал в начале 60-х годов ведущим теоретиком "почвенничества" — учения, выходявшего далеко за рамки литературы в историю и общественную мысль, — нельзя не вспомнить о Гоголе. Многие, даже сам идейный максимализм писателя, направление его нравственных исканий, говорят в пользу этого. Немало общего и в чисто художественном восприятии жизни у Гоголя и Достоевского. Не случайно

²² Григорьев, Материалы для ..., с. 115.

²³ Гоголь, Иллюстрированное издание..., с. 3.

Григорьев в одном из своих писем Гоголю назвал "Двойник" осуществлением в действительности фантастической основы гоголевского "Портрета"²⁴.

Если в начале 60-х годов Григорьев несколько охладевает к творчеству Гоголя, о чем ясно говорит его неоконченная статья "Достоевский и школа сентиментального натурализма", то происходит эта переоценка в пользу Достоевского, законного в глазах Григорьева наследника "гоголевского направления" в литературе. В то же время вся первая половина 50-х годов — время расцвета критической деятельности Григорьева, время его наибольшей известности и влияния — проходят под знаком поклонения Гоголю, которое не ослабевает даже после вступления в литературу и ошеломляющего успеха Александра Островского — друга, во многом единомышленника Григорьева в эти годы. Так, в статье 1855 года "Замечания об отношении современной критики к искусству" Григорьев вновь энергичически задвигает Гоголя писателя и мыслителя от критики как "слева", так и "справа". Григорьев попрежнему настаивает на единстве творчества Гоголя, на органическом слиянии мысли и художнического начала в его произведениях. "Если будут различать Гоголя, автора «Рима», от автора «Шинели» и «Ревизора», не видя внутренней связи между этими произведениями, — естественно, что всякое добросовестное желание объяснить значение Гоголя замолкает", — утверждает Григорьев²⁵. В гоголевском "Риме" видится Григорьеву первое и замечательное в художественном отношении провозглашение вечности общечеловеческих идеалов. "Многих поразило тогда, — пишет Григорьев, — приложение Рима к Москве, к России вообще, полной воспоминаний прошедшего, чистых стремлений, невозмутимой семейной тишины [...] «Рим», одним словом, служил прологом к «Мертвым душам» в их настоящем, русском значении, а не в том, которое хотели и хотят еще придать им — забывая, одни по злобе, а другие по тупоумию — что герой их Чичиков — трагическая жертва стремлений к комфорту, внешнему блеску, вообще к тому, что на европейском языке зовется прогрессом"²⁶.

²⁴ Григорьев, Материалы для..., с. 115.

²⁵ А. Григорьев, Полное собрание сочинений, т. 1, Петроград 1918, с. 243.

²⁶ Там же, с. 242.

Характеризуя в такой тональности "положительную сторону гоголевского идеализма", Григорьев был самостоятельным и в оценке художественных приемов писателя. Так, он настойчиво отрицал существование каких бы то ни было признаков "натурализма" в изображении Гоголем жизни и человека. "Гоголевские произведения верны не действительности, а общему смыслу действительности в противоречии с идеалом", — утверждает Григорьев²⁷, в то время как Беллинский с неменьшей страстностью доказывал, что то "изображение пошлости", которое видит в произведениях Гоголя некоторые критики, "справедливее называть изображением действительности как она есть, во всей ее полноте и истине"²⁸.

Видя в подлинном произведении искусства прежде всего стремление к идеалу, к конкретному воплощению идей прекрасного в художественных образах, Григорьев был близок к пониманию художественного слова как символа идей, к оправданию и даже апофеозу фантастики, гиперболы, аллегории в искусстве. Он же первый заговорил о гиперболности как художественном приеме Гоголя — о том, что сейчас стало уже общепризнанным в характеристиках гоголевского творчества.

Подводя итоги, можно сказать, что для Григорьева-критика, равно как и для Григорьева-мыслителя сами выводы Гоголя о человеке и обществе были значительно менее важны, чем путь, по которому писатель пришел к ним. Этот путь — неутомимое, страстное стремление Гоголя к нравственному совершенству, к идеалу — воспринимался Григорьевым как символ подлинных поисков общечеловеческой правды. Правда, истина как бы оросталась с идеалом, идеал превращался в движение, в стремление — в достижение. И, если писатель, подобно Гоголю, умел оставаться в этом стремлении лично честным, отвернуться от апологии насилия и холодной, равнодушной "рассудочности", Григорьев был способен простить ему временные заблуждения и ошибки, какими бы тягостными они ни казались современникам.

"Истина есть только то, что сознается немногими, несколькими, одним [...] истина всегда гонима и всегда на стороне гонимого" — писал Григорьев Гоголю²⁹. По-видимому, соблюдая этот принцип, сам

²⁷ Григорьев, Литературная критика..., с. 45.

²⁸ Н. Гоголь в русской критике, Москва 1953, с. 268.

²⁹ Григорьев, Материалы для..., с. 112.

Григорьев, "искатель истины", до конца своей жизни находился в болевой или меньшей степени в оппозиции ко всем тогдашним течениям и направлениям русской мысли: к славянофильству и западничеству, к "официальной народности" и к панславизму, к романтизму, реализму и позитивизму, к материализму революционных демократов и к идеализму официального православия. И не удивительно, что Гоголь, отбрасывая всю европейскую мысль и ищущий "новой истины", находит в Григорьеве ревностного поклонника.

"Выбранные места из переписки с друзьями" и реакция на книгу Григорьева как бы предвосхитили дальнейший иррационализм русской мысли, заверенный философскими системами Владимира Соловьева и Николая Бердяева. Начиная, наряду со славянофильством и вслед за ним националистическую традицию в русской общественной мысли, Гоголь и Григорьев стали одновременно и родоначальниками своеобразной "покаленно-пророческой" тенденции в литературе и публицистике России второй половины XIX в., в которой отчетливый мессианиззм причудливо сочетался с острым чутьем национальных недостатков, а религиозность выглядела болезненно, отражая в большей мере сомнения и отчаяние, чем веру.

Институт русской филологии
Лодзкого университета
Институт русской литературы АН СССР
(Пушкинский дом)

Andrzej Łazari, Sergiusz Nosow

KSIAŻKA MIKOŁAJA GOGOLA "WYBRANE FRAGMENTY KORESPONDENCJI
Z PRZYJACIOŃMI" I JEJ OCENA PRZEZ APOLLONA GRIGORJEWĄ

Apollon Grigorjew należał do tych nielicznych myślicieli rosyjskich, którzy "Wybrane fragmenty korespondencji z przyjaciółmi" Mikołaja Gogola przyjęli z dużą dozą wyrozumiałości. Krytyk uznał, że Gogol miał pełne prawo do wyrażenia własnego światopoglądu w formie jaką uznał za stosowną, a także potraktował ten światopogląd jako całość koherentną. Książka Gogola i reakcja na nią Grigorjewa zapowiadają późniejszy rozwój mesjanizującego irracjonalizmu rosyjskiego.